

что онъ видить вокругъ себя устарѣлые нравы и дѣйствительно смѣшныя слабости и пороки общества. Пороки эти отразились на его судьбѣ, сдѣлали его несчастнымъ, потому что онъ очутился въ этой несносной для него средѣ одинокимъ, непонятымъ. А у Мольера Мизантропъ его самъ виноватъ въ томъ, что не любитъ людей. Въ немъ самомъ была избалованность, требовательность и нетерпимость. Эти собственные недостатки его и мѣшали ему любить общество.

Не одна драма, не одинъ театръ влекъ Щепкина къ прекрасному, къ художественной красотѣ. Не будемъ говорить о литературѣ, которую онъ такъ цѣнилъ. Любовь къ ней въ драматическомъ артистѣ такъ естественна. Но онъ любилъ и другія искусства: живопись, музыку.

Въ дѣтствѣ его учили играть на гусляхъ. Инструментъ этотъ встрѣчался тогда чуть не во всѣхъ домахъ. Только позднѣе въ провинціи стали его смѣнять маленькимъ фортепіано.

Въ полтавскихъ театрахъ ему приходилось пѣть въ операхъ: труппа была невелика, и каждый актеръ долженъ былъ участвовать во всевозможныхъ пьесахъ—отказываться отъ пѣнія не позволялось. Впрочемъ, это и теперь дѣлается кое-гдѣ въ провинціи.

Щепкинъ былъ, впрочемъ, этимъ доволенъ: пѣть онъ любилъ, и упражненія только развивали въ немъ музыкальный вкусъ. Слухъ у него былъ прекрасный, голосъ—пріятный. Вообще Щепкинъ выработалъ въ себѣ пониманіе музыки. Любилъ не только малороссійскіе напѣвы, которые онъ охотно распѣвалъ и